

РЕЦЕНЗИИ

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–20. М., 1975–1995.

В 1995 г. исполняется двадцать лет с того момента, как начал выходить Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее – СлРЯ XI–XVII вв.). В настоящее время уже вышел из печати 20-й выпуск, включающий фрагмент на букву *П* (*присвоение – прогнутися*). Почти одновременно с первым выпуском СлРЯ XI–XVII вв. вышел из печати Указатель источников этого словаря (далее – Указ. сл.). Спустя почти десять лет, в 1984 г. вышел новый Указатель источников картотеки (далее – Указ. карт.), в который включены переводимые на источники СлРЯ XI–XVII вв. памятники "Материалов" Срезневского [Срезн.] и новые источники, пополнившие СлРЯ XI–XVII вв. и его картотеку уже после выхода в свет первого выпуска и приведенные в Дополнениях к Указателю источников словаря в пятом выпуске (М., 1978 – 109 дополнений-позиций), десятом выпуске (М., 1983 – 191 дополнение). После выхода Указ. карт. список из более чем трехсот наименований еще пополнился их перечнем в выпусках пятнадцатом (М., 1989 – 216 позиций) и двадцатом (М., 1994 – 83 дополнения). В итоге получаем таким образом весьма внушительную цифру роста числа новых источников-дополнений – около шестисот позиций – наименований отдельных документов, их комплектов, памятников, их изданий и целых архивных собраний.

Масштабность выявленной цифры хорошо иллюстрируется сравнением с исходной цифрой числа источников в Указ. сл. – более 1800 названий, т.е. можно с уверенностью отметить рост в размере около одной трети (~ 33%). За исходную источниковую базу принимаем Указ. сл., а не Указ. карт. 1984 г., поскольку последний отражает источниковую базу всей картотеки СлРЯ XI–XVII вв., а как известно, цитаты из ряда источников – памятников в словаре не используются. Их, по нашим подсчетам, свыше ста семидесяти позиций. Это в основном источники первой трети XVIII в. и XVIII в. в целом, т.е. источники

перспективного плана. При этом пополнение СлРЯ XI–XVII вв. новыми источниками непрерывно продолжается, источниковедческая база словаря от выпуска к выпуску постоянно увеличивается.

Но дело не только в количественной стороне вопроса, а также и в том, что постоянно совершенствуется и оттачивается методика использования этих новых источников, усиливается и приобретает все большую аргументированность при этом механизм филологической критики источников, из которых эсцерпируется материал для СлРЯ XI–XVII вв. Подобное совершенствование, на наш взгляд, стало возможным благодаря тому, что составители словаря стали все чаще обращаться к первичным источникам (по терминологии лингвистического источниковедения) – рукописным оригиналам, филологической их критике, к сравнению и проверке в необходимых случаях печатного издания и рукописного оригинала даже в тех ситуациях, когда оснований для сомнений в точности воспроизведения оригинала как будто бы и не возникает: текст воспроизводится по правилам лингвистического издания памятников письменности.

Необходимо также отметить, что весьма существенный процент из числа привлеченных источников составляют рукописи. В этом отношении показательны следующие сопоставительные цифровые данные. Из 109 позиций в Дополнениях к пятому выпуску – 25 (или около 23%) отведено рукописным источникам, в десятом выпуске их 95 из 191-й, т.е. почти половина (~ 50%), в пятнадцатом рукописных источников уже более половины (110 позиций из 214-ти). Таким образом, по выпускам пятому, десятому, пятнадцатому можно констатировать неуклонный рост (23% → ~ 50% → ~ 52%) числа используемых рукописных источников. В Дополнениях к двадцатому выпуску из 83 позиций 23 источника привлечено по рукописям, т.е. около 31% из общего числа позиций в Дополнениях.

Весьма широк при этом территориальный охват архивов России; помимо центральных — ЦГАДА (ныне РГАДА, кстати, не мешало бы составителям обновить название архива, как это сделано для бывшей ГБЛ, а ныне РГБ), ГБЛ (ныне РГБ), ГИМ, ИРЯ РАН (имеется в виду Рукописный отдел Института русского языка РАН), Центральный музей древнерусской культуры им. А. Рублева), ГТГ (удалось узнать, что это сокращение дешифруется как Государственная Третьяковская галерея, хотя новая аббревиатура нигде составителями не дешифруется). Это московские архивы. Из Санкт-петербургских архивов в Дополнениях встречаем ссылки на ГПБ (ныне РНБ), БАН, ЛОИИ, ИРЛИ. Использован и обследован ряд местных архивов как усилиями самих составителей, так и с помощью других специалистов-русистов, которые сами долгие годы работали в периферийных архивах и сумели привлечь к чтению и копированию, в частности, скорописных среднерусских текстов студентов-русистов [Хрест. волог. 1975; Дел. письм. волог. 1979; Дерягин 1985; Бондарчук, Кузнецова 1986]. В их числе Государственные архивы Архангельской, Владимирской, Вологодской, Псковской, Рязанской, Ярославской областей, Пермский областной краеведческий музей и Пермская областная библиотека, Чердынский краеведческий музей, Смоленский исторический музей. Извлеченные из них материалы дают известное представление о составе и тематике региональной лексики. Следует отметить, что в отношении использования рукописных материалов СлРЯ XI–XVII вв. выгодно отличается от Словаря русского языка XVIII века, который основан преимущественно на печатных изданиях, из рукописных материалов выборка для Словаря XVIII века производилась эпизодически, по преимуществу для первой трети века [Сл. XVIII в. : 51, 55].

Даже рукописи центральных архивов Москвы, Санкт-Петербурга уже дают возможность сделать целый ряд лексических дополнений к тому словнику, который представлен в вышедших выпусках СлРЯ XI–XVII вв. Это лишний раз подтверждает, насколько необходимо и плодотворно обследование неизученных рукописных источников. Позволим себе иллюстрацию только по одному жанру источников. Тексты Вестей-Курантов 50-х годов XVII столетия [В-К V] позволяют отметить следующие лексемы, отсутствующие в СлРЯ XI–XVII вв.: существительные — *баса* "паша" (к голл. *Bassa* "то же"), *замательщикъ* "враг", прилагательное — *кровопролитныи* (о войне), глагол — *позадорожитья* "запросить слишком дорогую цену", наречия *поневоля* и *в подлиннѣ*. На новых моментах в части

грамматической информации о слове, которые содержат материалы [В-К V], не останавливаемся. К настоящему времени становится совершенно ясной следующая ситуация: без планомерной, в какой-то степени централизованной и организованной работы по сбору словарного материала из неизученных рукописных архивов как центральных, так и местных, мы не можем и мечтать о каком-то, хотя бы небольшом приближении к словарю-тезаурусу старорусского языка. СлРЯ XI–XVII вв. обречен (но в хорошем смысле этого слова), на ряд последующих переизданий с внесением постоянных дополнений, которым "нѣсть коньца". В настоящее время картотека пополняется лишь силами тех, в общем многочисленных лингвистов, которые не потеряли вкус к работе с рукописями и которые связаны с коллективом составителей личными связями. Представляется целесообразным упоминать персонально не только тех, кто способствовал обогащению словника словаря, но также персонифицировать и сами лексические материалы, ими предоставленные.

Обращение составителей все чаще к рукописным источникам заслуживает всяческого одобрения и поддержки, тем более что многие публикации текстов, ими используемые, подготовлены не по правилам лингвистического издания текстов (см. например [Анпилогов 1967]; о недостатках этого издания писал в свое время С.И. Котков [Южн. кXVI–кXVII : 3–4]).

Что касается временного диапазона Дополнений, то в них мы найдем как тексты старорусского периода XV–XVII вв. с выходом на самое начало XVIII в., так и древнерусские XI–XIV вв. Старорусские тексты по понятным причинам явно преобладают, так как они составляют специфику СлРЯ XI–XVII вв. Известно, что в Институте русского языка РАН выходит Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. (четыре тома уже вышли из печати). Поскольку составители обращают внимание на древнейшие фиксации слова, привлечение самых ранних текстов, естественно, становится необходимостью. Среди последних мы найдем в Дополнениях к СлРЯ XI–XVII вв. древнейшие берестяные грамоты из новых находок, новейшее издание Остромирова евангелия, Гнездовскую надпись X в., древнерусские надписи на стенах храмов и многие другие.

Жанровый разброс Дополнений довольно значителен, он охватывает практически все сферы письменного применения языка. В последних выпусках составители обращают внимание на привлечение текстов, отражающих различные области знаний. В числе источников памятники самого разнообразного жан-

ра, светские и церковные, отражающие письменное функционирование различных типов русского литературного языка старшего и среднего периодов. Это прежде всего огромный и весьма разнообразный массив памятников деловой письменности: грамоты, челобитные, книги (вкладные, вотчинные, записные, кабальные, отводные, переписные, писцовые, платежные, посольские, посевные, приходно-расходные, приправочные, разрядные, таможенные, умолотные и др.), дневники и статейные списки, повествовательные сочинения (повести, рыцарские романы, хождения), вести-куранты (составители дают эти тексты под своим тематическим сокращением – Куранты, отвергая, по-видимому, ввиду явной тематической недешифрованности сокращение-аббревиатуру В-К, предложенную издателями), историко-повествовательные сочинения (летописи и под.), памятники церковно-проповеднической и церковно-богослужбной литературы, агиографические сочинения (жития, беседы, евангелия, прологи, псалтыри и др.), эпиграфика, памятники специализированного содержания, ориентированные на определенные отрасли науки – азбучовники, лексиконы, пособия по риторике и грамматике, памятники музыкального искусства, медицинские пособия (лечебники).

Привлечены все издания, подготовленные в Секторе лингвистического источниковедения и исследования памятников языка (ныне Сектор лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка) Института русского языка РАН, а также рукописи, опубликованные в сборниках, подготовленных в этом секторе, и отвечающие всем требованиям лингвистического издания старых текстов.

Что касается происхождения привлекаемых дополнительно текстов, то, естественно, большинство из них являются памятниками оригинальными, но определенную часть составляют и памятники переводные. Переводной характер последних лишь частично обозначен в аннотации к ним. Мы приведем лишь те из них, переводной характер которых обозначен в заглавии: переводы с польского – "Гиппики" XVII в., Лечебник XV в., История о Мелюзине 1677 г., перевод с французского – "Книга лошадиного учения" 1670 г., перевод с немецкого – "Учение како об(ъ)езжати лошадей" (оригинал французский 1629 г.) с приложением и другие. К сожалению, сведения о переводном характере самого памятника и о том, с какого языка делался перевод, в аннотациях к дополнительным источникам даются весьма скупо. Эту сторону аннотаций надо было бы значительно расширить. Доста-

точно осведомленный в древнерусской и старорусской письменности читатель может лишь догадываться о том, что, например, *Арт.пех.* (вып. 15) – Артикул пехотного строю, рукопись XVII в., является, видимо, переводом с польского, судя по названию. В ряде случаев указывается лишь переводной характер памятника без ссылки на язык оригинала: *Травник Любч.*¹ – Травник (Лечебник), перевод Николая Любчанина (Булева) 1534 г.

Отмечая существенный количественный рост числа дополнений к СлРЯ XI–XVII вв. от выпуска к выпуску, нельзя не отметить может быть даже более важный для методики использования источников момент как критическое отношение к используемым источникам. Учитывая пожелания рецензентов этого словаря, составители стали внимательнее подходить к языку источника, к языковой редакции текста, к характеристике его национально-языковой принадлежности, что явилось следствием предварительного уточнения условий и места происхождения самого текста и комплексного зондирования его языковых показаний. Было бы желательно при этом, чтобы составители определили принципы своего подхода к словам иноязычным, проникшим в русские тексты из оригинала. Что они представляют собой – древне-или старорусские лексемы или разовые проникновения из языка оригинала? Достаточен ли при этом только текстовой признак (наличие слова в русском тексте) или требуются еще какие-то дополнительные доказательства, в частности учет степени адаптации иноязычного слова или иные для того, чтобы считать иноязычное слово принадлежащим русской лексической системе. Не включаются в словарь слова, подтверждаемые цитатами из староукраинских и старобелорусских письменных источников. Исключены данные в "Материалах" Срезневского слова *прапоръ* и *прапорьць*, приведенные им по сербскому списку XV в. Хроники Георгия Амартола, где они означают "звонок, колокольчик" [Срезн., II: 1371], в древнерусском же – "знамя, хоругвь", *праца* – из польского документа "Посольство королю польскому Казимиру...". Надо заметить, что языковая принадлежность документа – "польский" – определена неточно: "мѣли есьмо" в тексте цитаты – грамматические формы староукраинского языка [Сл. ст.-укр.: 438]. При всем усилении внимания к языковой редакции текста, все же остается неясным, каким образом в СлРЯ XI–XVII вв. попали такие тексты, как древнеболгарский перевод Паренесиса 1280 г. (см. вып. 17). Неясно, что могло дать составителям привлечение "Палеографического описания гречес-

ких рукописей IX и X века..." архимандрита Амфилохия (вып. 15).

В процессе критического использования источников проведено уточнение чтения текста памятников, использованных в "Материалах" Срезневского, прежде всего, а также в других публикациях памятников древнерусского и старорусского периодов. При этом выявлено, что причинами неправильного чтения являются не соответствующие смыслу текста членение его на слова, неправильный перевод с иноязычного оригинала (что оказалось возможным сделать после обнаружения или привлечения самого оригинала, речь идет в первую очередь о греческих оригиналах к произведениям церковно-книжной литературы), неверная идентификация букв устава, полуустава или скорописи, порча текста при переписывании в связи с выпадением отдельных слогов. В результате пришлось избавиться от многих мифических, не существовавших слов. Не прошли составители и мимо изданий, подготовленных по лингвистическим правилам в Секторе лингвистического источниковедения и исследования памятников языка ИРЯ АН СССР (ныне – ИРЯ РАН), в первую очередь мимо указателей к ним. Приведем несколько иллюстраций. В Успенском сборнике дается чтение *помышляющеъ* в Житии Феодосия: бѣ ино пакы чюдо показа о стѣмъ томъ мѣстѣ челоукомъ близъ тоу помышляющеъ... [Усп. сб. : 118]. Так же читает и Шахматов [Сб. XII в. : ПГ]. Составители предлагают чтение: *помышкающеъ*, что более точно отвечает смыслу текста: "людям, здесь близко останавливающимся". В Вестях-Курантах [В-К IV : 90] в переводе, очевидно, с греческого Письма константинопольского архимандрита Венедикта царю Алексею Михайловичу отрывок "на пакты и арты" во фрагменте "на пакты и арты господин" заключен в цифры – "клещи" с пометой *так в ркп.*, что вынуждало подойти к нему осторожнее при подаче в словоуказателе, что, к сожалению, сделано не было. Составители предлагают чтение "На(в) пакты и Арты господин", речь идет о "Галактионе", по-видимому, греческом епископе, поскольку города в Греции *Навпакт* (греч. Ναύπακτος) и *Арта* (или Нарда) были резиденцией греческого епископа [Энци. БЭ XX : 417; XVII : 570; III : 179], и место этим двум названиям, таким образом, в географическом указателе. Работа составителей над критическим освоением изданий пошла на пользу не только словарю, но и самим издателям.

В издании южновеликорусских челобитных и расспросных речей XVII в. приводится в

словоуказателе слово *пырына* из контекста: "чтоб <...> посацкие люди во дворах окромѣ 8рочных ден изъбѣ и мылен не топили и пырын на дворах не жъгли" [Южн. чел. XVII : 167, 55] со знаком вопроса и пометой "значение неясно". В любезно предоставленных мне материалах СлРЯ XI–XVII вв. на букву *П*, подготовленных к печати (машинопись), слово *пырына* с цитатой по данному изданию дается с трактовкой значения "горящие угли, жар" (правда, с сохранением, как в издании, знака вопроса) и ссылкой на ст.-польск. *pyryna*. Ср. также *пырей* "загнетка в русской печи" [Фасмер, III : 419] (со ссылкой на Даля), а также совр. польск. *perzyna* "тлеющие угли", чеш. *půj* "раскаленная зола, жар".

В заключение отметим, что источниковая база Словаря русского языка XI–XVII вв. постоянно пополняется, при этом обращается внимание на то, чтобы Дополнения давали представление о разных периодах истории русского языка, о многообразии жанров древнерусской и старорусской письменности, об оригинальной и переводной литературе разного времени, о богатстве рукописной традиции письменности древнерусского и старорусского периодов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анпилогов Г.Н. 1967 – Новые документы о России конца XVI – начала XVII вв. М., 1967.
- Бондарчук Н.С., Кузнецова Р.Д. 1986 – Тверская деловая письменность XVII–XVIII вв. Учебн. пособ. Калинин, 1986.
- В-К IV – Вести-Куранты. 1648 – 1650 гг. / Изд. подгот. В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина. Под ред. С.И. Коткова. М., 1983.
- В-К V – Вести-Куранты. 50-ые годы XVII столетия / Изд. подгот. В.Г. Демьянов. Отв. ред. В.П. Вомперский. М. (в печати).
- Дел. письм. волог. 1979 – Деловая письменность Вологодского края XVII–XVIII вв. / Сост. А.П. Ларионова, Г.В. Судаков, Ю.И. Чайкина. Отв. ред. Ю.И. Чайкина. Вологда, 1979.
- Дерягин В.Я. 1985 – Каргопольские челобитные XVII века. Метод реком. для студентов. Архангельск, 1985.
- Сб. XII в. – Сборник XII века Московского Успенского собора. Вып. 1 // ЧОИДР. Кн. 2. 1899.
- Сл. XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984.
- Сл.ст.-укр. – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1. Київ, 1977.
- Срезн. – Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1903.

- Указ. карт. – Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. в порядке алфавита сокращенных обозначений / Сост. С.Ф. Геккер, С.П. Мордовина, Г.Я. Романова. М., 1984.
- Указ. сл. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений / Сост. С.Ф. Геккер. М., 1975.
- Усп. сб. – Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. Под ред. С.И. Коткова. М., 1971.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. III. М., 1971.
- Хрест. волог. 1975 – Хрестоматия по истории вологодских говоров / Сост. Г.В. Судаков. Ред. А.П. Ларионова. Вологда, 1975.
- Энци. БЭ – Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 1– 82. СПб., 1890–1904.
- Южн. кXVI–кXVII – Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI – начало XVII в. / Изд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова. Под ред. С.И. Коткова. М., 1990.
- Южн. чел. XVII – Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи / Изд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова, Т.Ф. Ващенко, В.Г. Демьянов. Отв. ред. В.П. Вомперский. М., 1993.

В.Г. Демьянов

Ю.И. Чайкина. Словарь географических названий Вологодской области: Населенные пункты. 2-е, доп. изд. Вологда, 1993. 474 с.

Несмотря на то что словари географических названий стали появляться в России с конца XVIII – начала XIX вв. [Татищев 1793; Полунин 1773; Максимович 1788–1789; Щекатов 1801–1809] и затем продолжали выходить время от времени [Гагарин 1843; Барсов 1865; Чунин 1874–1880; Семенов 1883–1885; Минх 1898–1902], а в 70–80 гг. XX столетия был создан целый ряд региональных географических словарей [Матвеев 1980; Попов 1981; Прохоров 1981 и др.], изучение и описание топонимов России, в частности ее ойконимов, заметно отстает от того, что сделано в этой области во многих других странах. Выход в свет второго издания словаря Ю.И. Чайкиной – напоминание об этом и попытка автора внести определенный вклад в каталог ойконимов России.

Рецензируемый словарь не может не вызывать интереса у специалистов по ономастике, истории, географии, этнографии, краеведов, вузовских и школьных преподавателей и вообще у широкого круга читателей. Вологодская область обширна по своей территории и интересна в историческом и лингвистическом отношении. Ее топонимы различаются по времени происхождения и восходят по образованию к языкам разных семей. До начала заселения ее в V–IX вв. славянами здесь в разные исторические периоды проживали прибалтийско-финские племена (вепсы, карелы), саамы, волжские финны, пермяне и народы, родственные древнейшему населению Сибири. Все они оставили загадочные следы в названиях рек, озер, населенных пунктов: Кубена, Сямжена, Мо-

лога, Ньюшма, Воже, Андопол, Ирдоматка, Каргач. В топонимике области нашли отражение основные этапы ее славянского заселения. В Вологодской области, по подсчетам автора, представлено около 8000 ойконимов. Во втором издании Словаря описывается 1200 ойконимов, отобранных автором по значимости и по другим соображениям.

Однако ценность Словаря не только в описании "вологодского" материала. Перед нами словарь, по характеру и содержанию описания существенно отличающийся от других словарей ойконимов. В то время как географические словари, если это не просто перечни населенных пунктов, как правило, энциклопедичны, включают в себя пространственные сведения по географии, истории, а также экономике населенных пунктов, словарь Ю.И. Чайкиной 1) вводит в описание важный во всех отношениях лингвистический аспект, 2) рассматривает разные аспекты в тесной связи друг с другом, 3) стремится, как это принято в толковых словарях, к минимальным, точнее, оптимальным, характеристикам с точки зрения этих аспектов. В результате словарные статьи в словаре отличаются целостностью и какой-то особой убедительностью и для лингвиста, и для историка, и для географа, и вообще для читателя.

Такой подход не только оправдывает себя, но и, что важно, актуализирует вопрос о характере той области знания, к которой относится изучение ойконимов и, шире, топонимов как явления межпредметного, возникающего на стыке лингвистики, географии, истории, этнографии и других наук, и которая